

**АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ**

ЗАОЧНЫЙ
ИНЖЕНЕР

Александр Романович Беляев

Заочный инженер

Аннотация

«Сбежала одна река в Казахстане. Надо вам сказать, что эти азиатские реки шальные. Прямо, можно сказать, сумасшедшие. Где вчера была мель, сегодня на том месте омут. Текла река вправо, глядишь – повернула влево. В один день метров двадцать берега отгрызёт вместе с кишлаками. Шалит, одним словом. Есть и такие реки: невесть откуда начинается и невесть где пропадает. Не то высыхает, не то в песок зарывается, от солнца прячется, – и течёт себе под песком никому неведомая. А люди по пескам ходят и умирают от жажды. За этими реками никакие карты не угонятся. На карте – одно, а на деле совсем другое. Хоть каждый день карту перечерчивай...»

Александр Беляев

Заочный инженер

Сбежала одна река в Казахстане. Надо вам сказать, что эти азиатские реки шальные. Прямо, можно сказать, сумасшедшие. Где вчера была мель, сегодня на том месте омут. Текла река вправо, глядишь – повернула влево. В один день метров двадцать берега отгрызёт вместе с кишлаками. Шалит, одним словом. Есть и такие реки: невесть откуда начинается и невесть где пропадает. Не то высыхает, не то в песок зарывается, от солнца прячется, – и течёт себе под песком никому неведомая. А люди по пескам ходят и умирают от жажды. За этими реками никакие карты не угонятся. На карте – одно, а на деле совсем другое. Хоть каждый день карту перечерчивай.

Бывают и совсем курьёзные истории. Течёт себе река, орошает край, поит людей да животных, да травы степные, а потом вдруг как с цепи сорвётся: в сторону её кинуло. Прорыла река новое русло и с другой рекой соединилась, а та в озеро впадает. Так и пропала река. Сбежала. И край гибнет от безводья. Вот такую сбежавшую реку нам надо было ловить, – вернуть её в старое русло. Интересная это штука, но только сейчас разговор будет не про сбежавшую реку. О том, как мы её ловили, я как-нибудь в другой раз расскажу.

А начал я про реку потому, что свела она меня со старым

знакомым – Мишкой Синицыным. Надо вам сказать, что Синицын был изобретатель. Но человек неустойчивый. Метало его из стороны в сторону, как среднеазиатскую реку. Кончил семилетку в Москве, поступил на трикотажную фабрику подносчиком шерсти. Потом попал во Всесоюзный электротехнический институт и что-то такое там изобрёл. Упростил прикрепление неоновых ламп к цоколю, так кажется. Потом метнуло его на глissеры. Получил я от него письмо из Нижнего – участвовал в глissерном пробеге. Уверял, что и в глissер какое-то усовершенствование внёс. А потом и совсем я его на время потерял. И вот привелось встретиться в Казахстане, недалеко от Балхаша, на медных рудниках Коунрада. Надо сказать, что недалеко от Коунрада и случилось это происшествие с рекой. А воды этой реки как раз рудник снабжали. До Балхаша дальше. На верблюдах воды не навозишься. Ехала нас целая компания реку ловить – все молодые гидротехники, и я в том числе. Подъезжаем на автомобилях к Коунраду вечером. За нами солнце садится. Перед нами уже рудник виднеется. И видим, на пригорке что-то светит ослепительно, как маяк. Что бы это могло быть? Начали гадать. Один говорит: аэромаяк. Но зачем ему светить, когда ещё солнце не зашло? Да при солнце свет маяка и не будет такой яркий. Другой говорит: это солнце от чего-то отражается. Словно от зеркала. Может быть, солнечную станцию установили? Их несколько в Казахстане и Туркмении строилось. Может быть, и так.

Подъезжаем ближе, видим, что «зеркало» имеет форму ромба. На блестящем фоне какая-то чёрная точка. Словно движется. «Солнечное пятно!» – шутит кто-то из нашей компании. «Мираж в пустыне!» – подхватывает другой. Истинно, мираж в пустыне!

– Да это человек на крыше лазит! – сказал мой сосед Трофимов. – А крыша-то горит, как купол Исаакия на заходе солнца.

– О, смотрите. Полетел! Упал! С крыши упал...

И в самом деле, «солнечное пятно» соскользнуло вниз и грохнулось на землю. А дом-то двухэтажный. Внизу люди зашевелились, шум, смех, голоса, крики слышатся. Подъезжаем мы.

– Что у вас тут случилось? – спрашиваю. – Давно ли золотые крыши на домах делать начали?

– Заочный инженер с крыши упал!

– Крыша-то не золотая, а медная! – слышу в ответ.

Какой ещё такой заочный инженер? Смотрю на человека, который сидит на земле и колено трёт. Возле него ведёрко и кисть валяются. Молодой человек, курносый такой. Морщится и улыбается. Да это Мишка!

– Мишка! – кричу. – Эй, Синицын! Здравствуй!

А он отвечает:

– Надо бы мне привязаться верёвкой. Здравствуй, Коля!

Поднялся, поздоровался. Обернулся к молодым товарищам, что стояли возле него, и говорит:

– Ну, ребята, на сегодня представление окончено. Надо гостя встречать.

И опять ко мне:

– Идём, Коля. У меня остановишься.

Прихрамывая, он побрёл вперёд, а я со своим чемоданчиком за ним. Жил он в том же доме «с золотой крышей», только вход был с другой стороны.

Вошли мы в его небольшую комнату. Вся она была завалена всякой всячиной: на столах мотки проволоки, арматура электропроводки, тисочки, отвёртки, ключи, молотки – инструмент разный. Посуда химическая, бумаги с чертежами, на стене – полки с книгами. Сразу видно, что изобретатель. Над маленьким письменным столом – радиорупор. На столе – общая тетрадь и карандаш. Пока мы помылись и Мишка зажёл примус, чтобы чаем с дороги меня угостить, уже солнце зашло. Стемнело. Из-под стола появилась лампа без абажура.

– Вот, полюбуйся, – сказал Мишка, зажигая лампу. – Приходится керосиновым освещением пользоваться. Это позор в наш век электрификации!

– Разве при руднике нет электростанции?

– Собираются строить, – ответил Мишка, – да не лёгкое это дело. Откуда здесь взять энергии? Местного топлива нет, а реки? Была поблизости одна, да и та сбежала. А если бы и не сбежала, толку от неё мало. Какой уклон падения воды в ней, знаешь?

– Одна десятитысячная, – ответил я.

– Ну вот видишь. На километр десять сантиметров. Гидростанции не построишь. Ставить же электростанцию на угле – больно дорого энергия обойдётся. Попробуй доставлять сюда. Разве что нефть найдут.

– Где тут нефть? – с сомнением сказал я.

– Ну, не скажи. У пустыни, брат ты мой, ещё немало загадок, разгадать которые на наш век хватит. Вот недавно мне приходилось слышать. Отправили скотоводы караван в Хиву по большой караванной дороге Ашхабад-Хива. По этой дороге сотни лет двигались караваны. Каждый кусочек изучен. А уж колодцы – и говорить нечего. Ведь здесь за каплей воды десятки километров не крюк. А вот нашли же заброшенный и полузанесённый песком колодец в зарослях кустарника. Начали рыть – вода чёрная. Все халаты в тёмных масляных брызгах. Не нефть ли? Зажгли пук сухой травы, бросили в колодец – как ухнет. Едва песком забросали. Нефть! Почему колодец? Почему нефть? Просочилась, быть может. Мюррек Телькиев – брат председателя аулсовета – сам в караване был, «огненный колодец» видел и может путь к нему показать. Мало ли таких находок и поблизости оказаться может? Но только время-то не ждёт...

– Подождите, детки, дайте только срок. Будет вам и кукла, будет и свисток, – продекламировал Мишка, подкачивая примус. – Вот хотя бы и примус взять. Опять дичь. Первобытный, можно сказать, инструмент. Шумит, гудит и воз-

дух портит. То ли дело электрочайник... Ты говоришь, солнечные установки. Читал я, что за границей придумали совершенно новый принцип. Представь себе у подножия горы нечто вроде большого парника. Солнце нагревает в парнике воздух. А из парника на гору проложена труба. Горячий воздух идёт вверх, где холоднее. Поставь вверху турбину, которая вращалась бы от этой струи горячего воздуха. Вот тебе и готовая солнечно-ветро-электро-установка. Для такой штуки я знаю подходящее местечко: северные и северо-западные границы Голодной степи. Ведь степь эта – плоскогорье. С севера оно скатывается шестидесятиметровой багровой от выхода гранитных пород стеной. Вот где устроить такую машину. Я уже был там, посмотрел местечко и думаю заняться этим делом, как только покончу тут со своей медной крышей.

– Что это за крыша?

Мишка потёр ушибленное колено.

– Здорово расшибся, – сказал он, – только виду не подавал. Опухло. Надо будет компресс сделать. А ты чай пей. Я ещё успею.

И, занявшись своей ногой, он продолжал:

– У меня тоже, если хочешь, солнечная установка. Только иного рода. Непосредственное превращение солнечной энергии в электрическую. Фотоэлемент. Слышал?

– Собственное изобретение? – спросил я.

Мишка пожал плечами и скромно ответил:

– Идея не моя. Слышал я по радио речь товарища Иоффе. Академика. О новом плане электрификации. Шестьдесят миллионов киловатт. Это не жук комара поймал! Чтобы такую силищу собрать, надо отовсюду, где только можно, энергию черпать. Говорил он и о фотоэлементах. И ещё говорил о том, что молодёжь, комсомольцы в первую очередь, должна поднажать, чтобы такую задачу выполнить. Вот я и решил: чем я не молодёжь? Чем не комсомолец? Почему не взяться за это дело не откладывая? Фото так фото. Элемент так элемент. Начал с литературой знакомиться, опыты делать. Ты знаешь, ведь я сам маленько изобретатель.

– Как же, знаю. Прости, Мишка, а почему тебя, когда ты упал, назвали заочным инженером?

– Так, шутят. В анкете я как-то написал, что имею высшее самообразование. Меня на смех подняли. Я говорю, что тут ничего смешного нет, что и самому можно высшие науки преодолеть и технику изучить. Я, мол, по радио целый курс электрофизики прослушал. Заочное обучение. Ну, кто-то и пустил: «Заочный инженер!» Только это они так смеются, без жала. Ребята любят меня и сами мне помогали. Ты только послушай, что тут с медной крышей было.

Занимался я, значит, опытами над фотоэлементами... Да ты, может быть, не знаешь, что такое фотоэлементы? Видишь ли, электропроводность некоторых металлов в соединении с другими химическими веществами повышается от действия света. Возьми железный лист и покрой его селеном.

Вынеси его на солнечный свет – вот тебе и готовый элемент. Появится ток. Учёные давно это знали, только ток получался очень слабенький – в какие-нибудь тысячные доли процента от энергии солнца, света. Ну, а теперь это дело быстро в гору пошло. И уж теперь фотоэлементы маленькие моторы вращают. Думал я устроить такой элемент. Только с селеном дело плохо. Добывается он в небольшом количестве на Гавайских, Липарских островах. Туда не поскачешь. Не советские они ещё пока что. После я уж узнал, что селен можно добыть из осадка в свинцовых камерах при получении серной кислоты. Но по радио об этом мне вовремя не сказали. И остановился я на другом – на медном фотоэлементе. Лист должен быть из меди и покрыт окисью меди. Это всё под рукой.

– И какая сила такого элемента?

– Подожди, будет речь и об этом. Начал я делать небольшие фотоэлементы. Долго ничего у меня не выходило. Но, как говорится, терпение и труд всё перетрут. Несколько ребят моей затеей заинтересовались. Приходили ко мне, вместе работали. И что же ты думаешь? В конце концов загорелась от моего элемента маленькая лампочка карманного фонаря. Ты себе и представить не можешь, какая у нас радость была. Словно мы первые электрическое освещение выдумали. Жгли эту лампочку, пока не перегорела. А другой не было. И достать скоро нельзя. Так. Ну, всё-таки дело сделано. На мази, можно сказать.

Иду я к нашему директору завода – только что приехал,

человек новый – и говорю ему: «Товарищ директор, желаю я электрифицировать наш новый дом. Провести электрическое освещение». Смотрю, у директора брови на лоб полезли. Хотел скрыть улыбку, не удалось: усов нет, бритый. Делать нечего, улыбнулся во всё лицо и говорит:

«Очень хорошо, товарищ Синицын. Но только мне кажется, что для электрического освещения нужен электрический ток. Нужна электростанция».

«Мне это хорошо известно, товарищ директор. Станция будет и ток будет. Я сам устрою всё это». Вижу, директор на меня и совсем как на сумасшедшего смотрит.

«Как же это вы устроите?» – спрашивает.

«Фотоэлемент, товарищ директор. Крыша у нас вместо электростанции будет».

«Фотоэлемента-э-энт! – протянул директор и смотрит на меня уже только как на полусумасшедшего. – Какую же мощность будет развивать ваш фотоэлемент?»

А у меня готовый расчёт. Говорю, как по книжке читаю:

«На один квадратный метр падает киловатт фотоэнергии. Мой фотоэлемент может использовать только один процент фотоэнергии. Это немного, но вполне для нас достаточно. Один киловатт мы, значит, будем иметь со ста квадратных метров. Это площадь нашей крыши. А один киловатт энергии может дать свет для двух тысяч свечей. Для освещения комнаты в двадцать квадратных метров достаточно одной лампочки в сто свечей. Для пяти комнат – пятьсот свечей. А

мы имеем две тысячи. На двадцать комнат. По тысяче свечей на этаж. Весь двухэтажный дом будет освещён».

Задумался директор. Не знает, какой теперь ярлычок приклеить ко мне. Опять брови вверх вскинул и говорит:

«Ну, что ж, дело хорошее. Освещайте!»

«Товарищ директор. Вы знаете, что для фотоэлемента материал нужен. Медь. Окись меди. Вот я и пришёл просить вас, не разрешите ли вы мне отпустить меди для изготовления медных листов на покрытие ими крыши. Затем только я вас и побеспокоил».

«Ах, вот оно что? – Директор побарабанил пальцами по столу. – Товарищ Синицын. Мы должны поощрять рабочее изобретательство...»

«Да ведь это не моё изобретение, тут дело ясное», – перебиваю я его, видя, куда он клонит.

«Ну, не изобретательство, так овладение техникой. Мы должны всемерно поощрять. И я не имел бы ничего против того, чтобы отпустить на ваши опыты медь, если бы вопрос шёл ну... о каком-нибудь килограмме. Но делать медные крыши, когда у нас два процента невыполнения плана, когда каждый грамм меди на счету, когда в ней так нуждаются наши фабрики и заводы...» – и пошёл, и пошёл. А резолюция, само собой: «отказать». – «Я и сам, – говорит, – человек подотчётный. Что обо мне подумают?...»

Пробовал я с ним спорить, вижу – ни к чему. Упёрся человек, боится.

«Теперь, – говорит, – обезличка уничтожена. Персональная ответственность на мне. Я один отвечаю. Не могу. Рад бы, да не могу!..»

Вышел я от директора, а у крыльца меня уже товарищи ждут.

«Ну что?..»

Махнул рукой: «Отказ!»

«Как так отказ? На такое-то дело!..»

Крик, шум. Среди моих товарищей несколько туркмен, узбеков было. Горячие ребята. Хотели прямо к директору всей компанией валить.

«Мы лучше к предзавкома пойдём, к товарищу Окизову, свой парень, с ним скорее сговоримся!» – предложил кто-то.

«И к предзавкому пойдём, и к секретарю ячейки. Всех на ноги поднимем, а от своего не отступимся».

Пошли к Окизову. Тот в фотоэлементах ничего не понимает, но выслушал нас внимательно. И не улыбается, хотя и есть куда улыбку прятать: усы густые, только бороду бреет. «Кроса», как говорят туркмены, – «лысая борода», безбородый.

«Что-то мудрёное затеяли вы, товарищи, – говорит, – выйдет ли толк?»

«Выйдет! Выйдет! – кричим. – Мы уже делали. У нас уже маленькая лампочка горела».

«А вы не зажжёте её передо мною?» – спрашивает.

«Зажгли бы, да перегорела».

«А отчего перегорела? Может быть, и все лампочки перегорать будут?»

Объяснили ему. Крутит головой.

«Если бы я сам видал».

«Да пойми же, лампочки другой нет!»

«А вы достаньте, выпишите. Своими глазами увижу – помогу вашему делу».

Опять двадцать пять! Хорошо ещё, если в Ашхабаде или Ташкенте достанешь. А если из Москвы выписывать, когда-то получишь? Не терпелось нам. А делать нечего. Разослали письма знакомым, заказ в Москву. И ждать-то нам долго пришлось бы, если бы не случай.

Приехала изыскательская партия Геолкома. Я познакомился с одним ленинградцем и в свой выходной день отправился с ним в пески. Заночевали в палатке. А он, приятель-то мой новый, скорпионов, тарантулов боится. Ворчит, ворочается на кошке, да вдруг как крикнет. Укусил его кто-то. Вскочил, пошарил в темноте, и вдруг, вижу, свет вспыхнул. Фонарик карманный! Я набросился на фонарик, как басмач на овец, бедняга и фонарь выронил, больше скорпиона меня испугался. Я ему кое-как объяснил, успокоил его. Прошу лампочку подарить или продать, – ни за какие деньги! Боится впотьмах со скорпионами остаться. «Последняя лампочка!» – говорит. Ну что ты поделаешь? Не удушить же человека из-за лампочки, не украсть её. Начал я его и так и сяк уламывать. И чем же убедил в конце концов? Тем,

что свет зажигать ещё опасней, что на свет вся пустынная нечисть ещё больше лезет. На опыте, на факте ему доказал: зажгли фонарик, и действительно поползли, закишели, забегали – все к свету. Подарил-таки!

Уж не помню, успел ли я ему и спасибо сказать. Прямо так ночью и помчался обратно в Коунрад, ребят своих разбудил, а те к Окизову. Его с кровати подняли. И ничего я с ними не мог поделать.

«Ребята, – говорю, – да ведь ни к чему ночью-то! Для моего фотоэлемента свет нужен, элемент-то ещё не заряжён».

Окизов сердит на то, что его среди ночи разбудили. Услышал он мой разговор с ребятами да и говорит мне:

«Так, значит, сейчас ты не можешь лампочку зажечь? Надо солнца ждать? А на что мне твоя лампочка при солнце, когда и так светло? Плохое твоё изобретение, заочный инженер! Не дам меди!» – И снова на кровать завалился.

Ну уж тут и я из себя вышел. Трясу его за плечи: «Подожди, Окизов, засыпать! Дай хоть объясню тебе!»

А он то ли взаправду, то ли нарочно – захрапел на всю комнату, и ничего с ним не поделаешь.

Утром я его встречаю и говорю:

«Выспался, Окизов?»

«Выспался».

«И сил сном набрался?»

«И сил набрался».

«Так пойми же ты, что и мой фотоэлемент вот так же дей-

ствует. Только он днём, при солнце, сил набирается, а ночью работает. Солнце мои лампочки днём силой заряжать будет, а ночью они гореть будут».

Ну как ему иначе объяснишь? Главное понял, однако.

Среди моих товарищей – молодых туркмен – уже многие электротехнику знали и физику, а этому не пришлось ещё в советской школе учиться. Ну да ничего, думаю, мы его тоже скоро подкуём насчёт электрификации.

Зарядил я в тот день светом свои фотоэлементы, а вечером Окизов хлопал в ладоши от удовольствия, глядя на маленькую горящую лампочку, и, несмотря на то, что уже поздно было, сам побежал к директору. А мы остались дожидаться.

Вернулся Окизов совсем в другом настроении. Видно было, что директор хорошим ушатом воды его окатил.

«А ты меня не обманул, заочный инженер?» – спрашивает Окизов.

«Как это обманул? В чём?»

«А в том, что, может быть, ты этот самый... элементик от карманного фонаря где-нибудь спрятал, от него и ток брал. Такие случаи, говорят, были. Какой-то изобретатель уверял, что из земли тоже можно электричество добывать. И добывал, а потом оказалось, что у него в земле элементы закопаны были».

Вот оно что! Не утерпел я. «Ребята, – говорю, – директор нас в обмане подозревает! Айда к нему!»

«Бас!» – кричит один туркмен-комсомолец. «Бас» значит «дави». От этого слова и «басмачи» называются. Ну, и надавили мы на директора. Заставили его пойти с нами и самому посмотреть.

Он всё внимательно осмотрел, видит – никакой фальши нет.

Сел у меня за стол, вот тут, где ты сейчас сидишь, – в этой комнате всё и происходило, – закурил папироску и говорит:

«Вы меня простите, товарищи, давайте поговорим мирно. Каждый себя бережёт. Не подумайте, что я какой-нибудь вредитель и против вашей затеи. Затея хорошая. Отличная затея. Если удастся, большое дело сделаете. Но станьте вы на моё место. А если не удастся? Как вы думаете, поглядят меня по головке за медь-то? Да и не в одной меди дело. Ведь вам нужны будут тонкие медные листы. У нас их не сделать. Надо на заводе заказывать. Как оформить такой заказ? На чьи средства?»

«Вы нам только медь отпустите, а уж мы всё остальное устроим!» – отвечаю я.

«А с медью так дело обстоит. Сам я, на свой страх, не дам, и не просите. Но давайте попытаемся получить разрешение треста. Я с своей стороны обещаю поддержать ваше ходатайство и подтвердить, что в лабораторных условиях вы добились успеха, хотя... гм... конечно, многое, что удавалось в лаборатории, не вытанцовывалось на практике... Но об этом мы сейчас говорить не будем. Так по рукам?»

Молчим мы все.

«Ведь вы, товарищ Окизов, на себя личную ответственность не возьмёте?»

Вижу: и Окизов жмётся. Ему это простительно. Откуда ему знать, что из нашей затеи получится?

«Так на этом и покончим, – говорит директор. – Завтра мы пишем в трест!»

Ушёл он, ушёл Окизов, а мы сидим кто на столе, кто на табуретке, а кто и прямо на полу, на корточках. Время за полночь, а никому в голову сон не идёт. Думаем: как быть? И вот один говорит:

«Директор не против нас. Директор не хочет быть только против себя. Он боится отпустить медь потому, что меди не хватит для фабрик и заводов. А мы ещё, наш рудник, не выполнили промфинплана. Задолжали стране. Что надо сделать, чтобы директор дал медь? Мы пойдём завтра к нему и скажем: мы все записываемся в ударники. Мы обязуемся ликвидировать прорыв. Мы перевыполним план. А медь, которая нам нужна для крыши, мы будем добывать в сверхурочное время, бесплатно. Если из нашего фотоэлемента ничего не получится, мы возвращаем руднику всю медь».

И как это нам раньше в голову не пришло!

Наутро мы изложили наш план директору. Расцвёл человек. Ещё бы! Теперь не он нам, а мы ему этакий подарок преподнесли.

Промфинплан мы перевыполнили. Медь получили.

Остальное всё устроилось. И, как видишь, дом уже покрыт медными листами. Сегодня я начал окрашивать их окисью меди. Через несколько дней надеюсь окончить.

На другой день мне пришлось уехать на работу – ловить реку.

Случилось так, что на обратном пути мне не удалось захватить к Синицыну, хотя наши автомобили проезжали поздно вечером совсем недалеко от медного рудника. Окна стоявшего на пригорке двухэтажного дома были ярко освещены электричеством. Заочный инженер и его товарищи добились своей цели. Солнце Туркестана начало светить не только днём, но и ночью.